

Панищев Алексей Леонидович.
Кандидат философских наук.
Курск. Курский институт социального образования
(Филиал Российского государственного социального университета)

***«Махабхарата»: идея принесения
жертвы в настоящем ради будущего***

Проблема культуры древней Индии весьма сложна. Научных текстов, относящихся к древности, в Индии, по существу, нет. Те тексты, которые до нас дошли, не следует относить к научным по ряду причин. Во-первых, доступ к знаниям имел очень ограниченный круг людей. Это, как правило, были священнослужители – брахманы и, реже, крупные государственные чиновники – кшатрии. Причём последние учились у брахманов. Доступ к знанию рассматривался скорее как привилегия, отличительная черта того или иного сословия. В древней Индии человек, представляющий, например, варну вайшьи, не имел права знать то, во что могли быть посвящены кшатрии или брахманы, ибо каждый должен обладать лишь тем знанием, которое ему позволялось согласно его дхарме. Настоящее же научное знание объективно и предполагает теоретическую доступность для любого желающего ознакомиться с ним, независимо от социально-экономического положения человека.

Во-вторых, несмотря на то, что санскрит (язык, на котором написано большинство древнеиндийских литературных и религиозно-философских текстов) большая часть населения древней Индии понимала, но грамотно им владели лишь брахманы и часть кшатриев. Следовательно, только брахманы могли свободно интерпретировать священные тексты Вед, а остальным же приходилось больше слушать брахманов и принимать на веру те трактовки ведических книг, которые предлагались брахманами.

Наконец, на письменные источники, обрисовывающие быт и культурные феномены данного региона, ориентироваться достаточно проблематично. Специалист по культуре Индии, Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934), обращает внимание на то, что в описании тех или иных событий индийцы часто прибегают к явным гиперболам. Чтобы понять причину этого, обратимся к воспоминаниям английского офицера, присутствовавшего на одном из религиозных праздников. Англичанин был поражен бедностью украшений и довольно жалким видом импровизированного храма; а на следующий день он очень удивился, найдя в местной печати отчет о празднестве, в котором воздавалась хвала великолепию его приготовления и проведения. Здесь мы имеем особенную черту характера ментального мира индийцев: реальность и воображение для многих из них – несоизмеримые величины. Постоянно нарушаемое между ними равновесие слишком часто придает произведениям индийцев гипертрофированность в выражениях идей и фантастичность описаний. Такое положение дел происходит зачастую от того, что внешние условия, в

которых живёт индеец, не всегда в состоянии соответствовать его представлениям о должном. Духовный мир индийца, как и любого человека, несравненно богаче, нежели то бытие, которое его окружает. Данную особенность необходимо учитывать при анализе, например, таких текстов, как «Махабхарата».

По своей сути, «Махабхарата» – эта книга, повествующая о борьбе за власть в родовых союзах древней Индии. Фактически на фоне родоплеменных отношений развёртывается борьба родов за право быть центром потенциального объединения многих родов в единое государство. Причём в тексте «Махабхараты» очевиден приоритет общинных и даже общечеловеческих ценностей над индивидуальными. В принципе отсутствие представлений о значимости индивидуальности, о личности вполне естественно для эпохи рода.

К.Г. Юнг справедливо замечает: «Всемогущая коллективная установка создала, так сказать, невозможность всякой объективной психологической оценки индивидуальных различий, равно как и вообще научного объективирования индивидуальных психологических процессов»¹. Соответственно, в «Махабхарате» показана возможность уничтожения одних людей ради облегчения жизни другим. В масштабе родовых отношений это проявляется в том, что глава рода может жертвовать членом семьи ради общих интересов; а в масштабах человечества – в том, что одни люди, погибая в конце цикла жизни Брахмы, своей смертью создают предпосылки для счастливой жизни в следующем цикле жизни Брахмы.

Традиция предписывает жертвовать частью настоящего ради будущего. Конечно, где можно жертвы избежать, где можно защитить честь человека, там жертва не допускается, ибо превращается в преступление; а достоинство людей сберегается волей богов. Например, после победы Рамы над Раваной к Раме привели его жену Ситу. Однако он начал сомневаться в том, что ей в плену удалось сохранить супружескую чистоту. Тогда перед сомневающимся мужем появились боги и заверили его в том, что Сита чиста и предана ему, поскольку Равана не мог овладеть Ситой, так как над ним тяготело заклятие: он должен был погибнуть при попытке применить насилие к женщине. Действительно, Сита смогла избежать поругания, однако в ряде других мест «Махабхараты» описываются случаи проигрыша в кости или передачи в качестве подарков рабынь, шудров или просто красавиц, как будто бы они не люди.

В данном случае свою роль сыграла особенность индийской культуры, в лоне которой значимость человека определяется его варновой и кастовой принадлежностью. Индивид имеет лишь ту ценность, которая соответствует значимости его варны, в пределах которой он обязан беспрекословно повиноваться своему господину. Последний же ради общих интересов имел полное право пожертвовать кем-либо из своего рода или из зависимых от него людей. В общем, в правильной организации бытия, нахождении

¹ Юнг К. Г. Психологические типы. С.-П.:Ювнета, М.: Пресс-Универс, 1995, с. 37

наиболее оптимального баланса между жертвой и воздаянием состоит мудрость Вишны. Вишну – это только хранитель мира, но не его спаситель.

В «Махабхарате» показано, что ради продолжения цикличного бытия людей необходимы жертвы, а закон мира сего неумолимо подчиняет себе всё и даже действия богов. Именно безликий Брахман (в санскрите является существительным среднего рода и переводится, как *то, что расширяется*), выражающий идею *ṛitam* – правильного хода, – задаёт общие законы протекания вещей в мире. Этот закон в среде индийской культуры воспринимается как неизбежный. Он морально нейтрален, он не выражает возможность абсолютной свободы действий людей – он есть данная необходимость.

Собственно говоря, в соответствии действий людей общему закону и состоит долг и мораль человека. В «Махабхарате» данная идея выражена многократно, а особенно ярко на примере с Арджуной (членом рода Пандавов), когда Кришна убеждает его в том, что человек обязан следовать не чувству родства с другими людьми, а долгу представителя варны, в данном случае кшатрия, которому следовало сражаться, когда это необходимо его государю. Безусловно, такая установка должна была разрушать родовые нормы и принципы, содействуя тем самым становлению государства. Однако в действительности главный смысл решения Арджуны сражаться заключался не в том, чтобы укрепить государство, а в том, чтобы подчиниться воле бога Вишну, который преследовал цель, состоящую в облегчении бремени Земли. Именно в уничтожении людей состоит основа для счастливой жизни людей в последующем цикле.

Итак, «Махабхарата» отражает в себе обречённость людей на приношение жертв, а богов – на принятие их. Конечно, человек сохраняет в себе идею честности, справедливости и, как показано в «Махабхарате», пытается придать порядок различным событиям. Например, перед сражением между Пандавами и Кауравами были установлены правила ведения боя, которые, однако, в действительности не соблюдались. Человек пытается придать этому миру определённый порядок, но последний сохраняется лишь тогда, когда соответствует воле богов и, главное, тому порядку, который происходит от Брахмана. Однако этот мировой порядок, разворачивающийся в кругу сансары, жестокий и регламентированный. Так же, как и в естественном мире, нужна смерть одних существ, чтобы жизнь других продолжалась; так и среди людей – одни идут на кровавую войну ради облегчения жизни тем, кто после войны останется в живых.

Панищев А.Л. «Махабхарата»: идея принесения жертвы в настоящем ради будущего // Наука, религия, текст: "Махабхарата" и "Бхавад-Гита", Традиция и интерпретация. Материалы международной научно-теоретической конференции. - Владимир, 2006. с. 65-68. – 136 с.